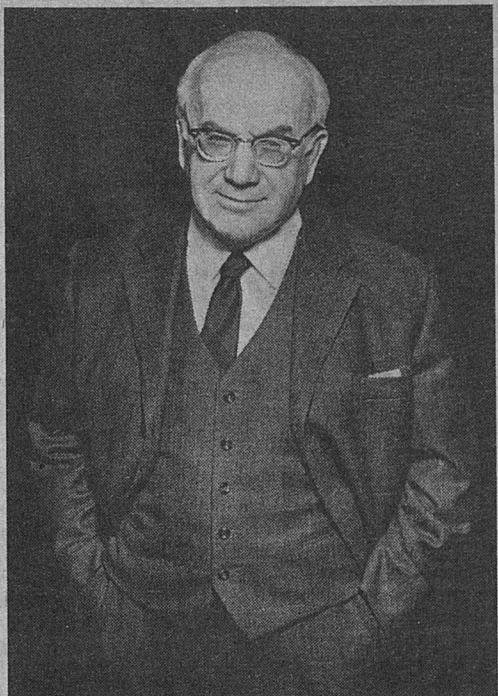

Соб. куклы. - 1991 -
20 июля - с. 11.

В его душе был храм...

К 90-летию со дня рождения И. В. Ильинского

Мы впервые увидели его в кино, сидя на коленях у мам. Это была «Волга-Волга». Это было время, когда смеялись наши родители в переполненных кинотеатрах. Нам тогда казалось, что вся страна хохочет—счастливая, веселая страна смеется над бюрократом Бываловым и смеется над ним в свои державные усы самый большой друг и вождь этого самого веселого и счастливого народа... В общем, веселое это было время.

Позже, уже юношами, мы опять хохотали. Это была «Карнавальная ночь». Великий, легендарный и уже почтенный русский комик играл опять-таки бюрократа Огурцова. И сейчас даже лень вспоминать — кто же хохотал тогда с веселым и счастливым народом — кажется, хохотало «коллегиальное руководство»...

Каким же был этот человек, так веселивший нашу страну столь долгие годы?

Нет Якова Протазанова и Анатолия Кторов, нет Марии Бабановой и Эраста Гарина, нет Любови Орловой, Григория Александрова, нет Виталия Дорониной и Бориса Равенских, давно нет великого мастера Всеволода Мейерхольда. Каждый из них мог бы многое сказать об Игоре Владимировиче Ильинском.

Увы. Ушла эпоха. И не одна. Исчезло несколько культурных слоев. И вот уже режиссеры моего возраста выступают с воспоминаниями.

Воспоминания об Игоре Владимировиче Ильинском для меня святы. Я встретился с ним уже в те годы, когда хорошо понимал: Ильинский — Великий Актер. Понимание это пришло после «Власти тьмы». После его Акима. Про это было написано очень много. Но прошли десятилетия, и не вспомнить сегодня Ильинского в роли Акима в постановке Б. И. Равенских «Власть тьмы» — значит пропустить тот переворот сознания, который произошел со всеми нами, именно теми, кто когда-то узнал и полюбил толстого смешного человечка.

Оказывается, Ильинский был трагическим артистом! Музыка его речи, его «тае не тает» выражало боль графа Льва Толстого, но, что более важно, боль души народной. Я не могу подобрать иные, более простые слова, но вся невысказанность этой боли, все российское долготерпение, все простодушие и, вместе с тем, безграничная глубина и философия была в музыке его существования — «тае не тает».

Оказывается, этот артист был величайшим философом своего времени! Но тогда еще я и представить не мог, что судьбе будет угодно, чтобы с годами произошла у нас еще и встреча в работе, и, чтобы этот человек еще сыграл оп-

ределенную роль в моей судьбе. Но дело, конечно, не в этом, а в том, что я просто имел возможность узнать и понять его больше и ближе, что, в конечном счете, и дало мне право на слово об Ильинском.

Проходят годы. Именно время выжигает все лишнее, суетное, оставляя в памяти суть. Суть в том, что человеческая жизнь просвечивается ее завершением. Финал трагичен. Но не всем дано соответствовать масштабу трагедии. Я был свидетелем, как уходил из жизни этот великий артист, и смею сказать — Человек. Это была мощнейшая борьба Духа, Воли и Философии. Это была святая до последнего вздоха преданность театру. Это было жесткое и совершенно бескомпромиссное понимание тех основ жизни, которые мы называем простым словом — Порядочность.

Бог отнимал у него зрение. На сложнейших и полных драматизма репетициях его глаза были повернуты к свету. На худсоветах, в которых сталкивались личные интересы в значительно большей мере, чем правда и позиции, он сидел среди нас отрешенно, вытянув шею и инстинктивно повернув голову к окну, совершенно не заботясь о том, как он выглядит. И когда брал слово, говорил коротко, говорил правду. В страшной кошмарной тишине звучал его голос, чаще всего он оставался одинок, тогда еще право на правду нам не давали, он ее завоевал своею жизнью.

«Этот спектакль надо сохранить, как сохраняются руины Сталинграда, но не как символ войны, а как символ полного разрушения театра». — Это по поводу очередной батальонно-героической эпопеи на сцене театра.

«Проходите, товарищи, садитесь! Попозже нам принесут чайку, располагайтесь, товарищи!» — министр культуры СССР, кандидат в члены Политбюро принимает худсовет Малого театра. И опять в мертвой тишине голос Ильинского — «Посидим, поговорим, попьем чайку и разойдемся с тем же, с чем и пришли». В те годы в этих кабинетах так не шутили.

И уже совсем горькое — молодой артист читает стихотворение, часто повторяя: «жизнь, жизнь, жизнь...», как-то по-современному артикулируя. Игорь Владимирович поворачивается: «Он стрекочет, стрекочет — «жизнь, жизнь...», разве он знает, что такое «жизнь». Свое «жизнь» он проносит через «ы», почти по-шалаяпински. Он был прав. Мы не знали, что такое жизнь ни по-шалаяпински, ни по-ильински...

Конечно, Игорь Владимирович Ильинский прожил непов-

торимую, уникальную жизнь. Конечно, он был облакан любовью своего народа, очень рано полюбившего в нем бесконечно родное, доброе, хитрое и смешное, трогательное и плутовское, эксцентрическое и беспощадно саркастическое. Конечно, Ильинский был русским Чаплиным. Конечно, он был дружен и близок с крупнейшими личностями своего времени. Конечно, советское правительство и лично товарищ Сталин, познакомившись с ним на концерте, посвященном 60-летию В. М. Молотова, протянул бокал шампанского и выпил с ним как «бюрократ с бюрократом», а потом через несколько дней Ильинский был награжден орденом Ленина. Конечно, кровавые крылья опалы миновали его судьбу, унеся многих, кто был рядом.

Сегодня важно сказать, что Игорь Ильинский никогда не пресмыкался и не заискивал. Его отличала глубочайшая преданность отечественной культуре, театру, и многие годы с невиданным упорством и трудолюбием он исследовал и выражал жизнь народную, проникая в замыслы Толстого и Чехова, Салтыкова-Щедрина и Островского. В самые мрачные годы он не отрекся от Мейерхольда, и его уход из мейерхольдовского театра был продиктован чисто творческими соображениями и был задолго до его разгона, так же, как не отрекся от одного из самых любимых своих писателей М. Зощенко, когда его имя было предано анафеме.

Но даже и эта его человеческая позиция не дает полного представления о масштабе личности Игоря Ильинского. К слову говоря, было бы неверно не сказать, что характер этого человека был чрезвычайно сложным и противоречивым. Требовательность и неуступчивость его, замкнутость и определенный эгоцентризм затрудняли подчас жизнь многим режиссерам и партнерам его, он умел сориться и делал это иногда весьма круто. Ему многое было позволено. Это так.

Но сейчас особенно ясно выходят вперед не легенды об Ильинском. Выходит вперед его всеохватная человечность существования в роли, его глубина, его веселый и горький сарказм, его мощнейшая душевная суть — именно эта суть, связь его души с самыми высокими и вечными идеалами жизни, высвечивают память об Ильинском, и мы низко кланяемся этой памяти.

Говорили, что он был религиозным человеком. Я не видел его в церкви. Я не был свидетелем его молитвы. Но судьба подарила мне возможность прикоснуться к его миру, и я глубоко убежден, что храм в его душе существовал.

Леонид ХЕЙФЕЦ.